

Т.И. ЮСУПОВА, Т.В. ЧУМАКОВА

«КАК НАМ БЫТЬ С ЭТИМ МУЗЕЕМ?»
МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
В СОВЕТСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1930-х гг.¹

Рассматривается казус из истории Музея истории религии АН СССР (МИР), связанный с попытками руководства Академии наук вывести его из академической структуры. Созданный в 1932 г. МИР постоянно подвергался критике за, якобы, недостаточный, уровень научных исследований. Причиной являлась специфика деятельности музея – превалирование, по мнению руководства Академии, экспозиционно-выставочной и просветительской работы над исследовательской. Публикуемая стенограмма заседания Президиума Академии наук (август 1937 г.) иллюстрирует создавшуюся конфликтную ситуацию между МИР и руководством Академии наук, дополняет историю МИР новыми сведениями о его деятельности, отражает сложность обретения им своего места в системе академической науки, а также те проблемы, которые возникали перед научным сообществом в эпоху Большого террора.

Ключевые слова: *Музей истории религии, Академия наук СССР, В.Г. Богораз, интеллектуальная история, внутриакадемические отношения*

За последнее десятилетие вышло несколько работ российских и западных исследователей, в которых уделяется большое внимание Музею истории религии АН СССР (МИР), как его истории, так и вопросам взаимодействия науки и идеологии². Однако многие аспекты деятельности музея еще остаются не до конца изученными.

Инициатором создания и первым директором Музея был известный российский религиовед, этнограф и антрополог В.Г. Богораз (1865–1936). Музей должен был изучать «историю религии и методику антирелигиозной борьбы» и для распространения новых знаний создавать «системы экспозиций, тесно связанных вместе и имеющих высокую квалификацию, научную и художественную»³. Он был открыт в 1932 г. как самостоятельное академическое научно-исследовательское учреждение в здании одного из знаковых архитектурных ансамблей Ленинграда – Казанском соборе, памятнике архитектуры начала XIX века.

С первых дней основания в музее широко развернулась экспозиционная работа, которая строилась на результатах одновременно проводимых глубоких исследовательских изысканий. Такой подход соответствовал традициям академических музеев, в которых, как отмечал академик А.С. Ферсман в 1929 г., научная работа не просто сочеталась с просветительской и выставочной деятельностью, но и «само выставочно-музейное дело» являлось одним из методов научной работы.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.»

² Шахнович, Чумакова 2014; 2016; Luehrmann 2015; Smolkin 2018.

³ Шахнович, Чумакова 2014: 170.

Формирование научной программы МИР проходило при непосредственном участии и руководстве Богораза. В одном из писем он отмечал, что музей «взял линию на преодоление поверхностно-агитационного показа религии»⁴. Однако несмотря на успехи в исследовательской деятельности отношение к МИР в академической среде было весьма критическим из-за его экспозиционно-просветительской работы, которая несколько выпадала из «общего плана академической деятельности». В начале 1930-х гг. в Академии еще присутствовала приверженность «чистой науке», стремление к исключительно фундаментальным исследованиям, еще не до конца подавленное все усиливающимся государственным регулированием, встраиванием ее деятельности в практические задачи социалистического строительства⁵.

Впервые вопрос о выводе МИР из структуры Академии наук возник весной 1934 г. и был связан с решением правительства о ее переводе в Москву. Президиум Академии признал нецелесообразным переезд музея, расположенного в историческом здании, и принял решение обратиться в Ленинградский Совет о передаче МИР в его ведение. Богораз был категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Он полагал, что отделение музея от Академии может привести к прекращению его деятельности, поскольку Ленсовет не мог взять на себя ни научное руководство музеем, ни его финансирование. Содержание Казанского собора требовало очень больших средств, которых у Ленсовета не было. Богораз предпринял ряд шагов, чтобы сохранить МИР как академическое учреждение, каким музей и задумывался. Он обратился к одному из членов инициативной группы по созданию МИР, заместителю председателя Верховного суда СССР П.А. Красикову (1870–1939) с просьбой посодействовать сохранению его в составе Академии наук и написал письмо заведующему музейным отделом Наркомпроса Ф.Я. Кону, обратив его внимание на то, что «научное руководство такого большого центра как Академия наук совершенно необходимо» для успешного развития еще очень молодого исследовательского учреждения⁶. Богораз отстоял МИР от передачи в оперативное управление Ленсовета, но ему не удалось оградить его от попыток вывести из структуры Академии.

Одним из противников МИР выступил непреременный секретарь Академии наук акад. В.П. Волгин. Свое мнение он, в частности, аргументировал тем, что МИР дублирует проблемы, изучаемые «в общеисторических учреждениях Академии наук»⁷. В итоге Постановлением СНК СССР от 25 сентября 1934 г. МИР вывели из структуры Академии и перевели в подчинение Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями (Ученый комитет) ВЦИК СССР. Такое решение, по крайней мере, гарантировало финансирование Музея из центрального

⁴ Шахнович, Чумакова 2014: 173.

⁵ Подробно об этом процессе см. Наука и кризисы 2003; Graham 1981.

⁶ Там же: 169, 171.

⁷ Там же: 212.

бюджета. Но вскоре, на заседании ВЦИК 17 ноября 1934 г. его все же решили передать в ведение Ленсовета. Богораз попытался еще раз доказать непродуманность такого перевода: он провел переговоры с Леноблисполкомом и направил в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) (Культпроп) телеграмму, в которой предупредил о неопределенности финансирования МИР в случае передачи в Ленсовет. Принятое директивное решение реализовано не было: МИР остался в составе Академии. Однако в июне 1936 г. новый непрременный секретарь акад. Н.П. Горбунов обратился к наркому просвещения А.С. Бубнову с просьбой взять МИР в ведение Наркомпроса. Аргументы были прежними: музей не может развернуть серьезную научно-исследовательскую работу из-за недостатка в Академии специалистов в области истории религии⁸.

По-видимому, положительного ответа не последовало, и в сентябре 1936 г., уже после смерти Богораз (10 мая 1936 г.) на Президиуме Академии наук в очередной раз был поставлен вопрос о судьбе МИР. Существование его как самостоятельной научно-исследовательской организации было признано нецелесообразным и решено присоединить МИР к Институту антропологии, археологии и этнографии АН СССР на правах секции. Временное исполнение обязанностей директора музея было возложено приказом по институту на М.Ф. Потапова (административно-хозяйственного работника). Но и это решение не стало долгосрочным. Критическое отношение к деятельности МИР у руководства Академии не изменилось. Основной упрек по-прежнему состоял в якобы отсутствии научной исследовательской работы академического уровня. Президиум в феврале 1937 г. вновь поставил вопрос о нецелесообразности нахождения МИР в Академии наук, и 31 марта было принято решение созвать особое совещание во главе с главным партийным авторитетом по «церковному вопросу», одним из руководителей государственной антирелигиозной политики Е.М. Ярославским, которому было предложено возглавить Музей. Но Е.М. Ярославский, как сказано в стенограмме, «категорически отказался»⁹. Тогда сотрудники Музея сами включились в борьбу за его сохранение и продолжение деятельности как научно-исследовательского учреждения. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился черновик письма партийной организации МИР Е.М. Ярославскому и П.А. Красикову и в Ленинградский горком ВКП (б) с просьбой оказать помощь и «положить конец недооценке работы Музея» и его политической важности¹⁰. Местком МИР направил письмо в Ленинградский отдел Союза работников науки и высшей школы, откуда его переправили в ВЦСПС, а Центральный совет, в свою очередь, обратился в Президиум Академии наук. В связи с этим запросом на Президиуме в августе 1937 г. еще раз прошло обсуждение деятельности Музея, ее соответствия академическим требованиям.

⁸ Там же: 174–175, 212.

⁹ Стенограмма заседания // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 142.

¹⁰ Шахнович, Чумакова 2014: 211.

На заседании фактически рассматривались два вопроса: научно-исследовательская деятельность МИР и состояние Казанского собора. Причем, у Ленинградских директивных органов особую озабоченность вызывал именно Казанский собор, которому требовался серьезный ремонт, что они и отметили в своем обращении в Президиум. Членов Академии больше волновала научная деятельность Музея. Основной докладчик академик-востоковед И.А. Орбели подробно проанализировал экспозицию Музея, высказал ряд острых критических замечаний по ее концепции, содержанию и оформлению. По его мнению, исправить неблагоприятную ситуацию с научной работой в МИР возможно только при условии присоединения его к Институту философии, поскольку «не может быть никакого изучения религии вне рамок философии»¹¹. Противники перевода (в их числе академик С.И. Вавилов) предлагали решить проблему кардинально: вывести МИР из Академии наук и передать в Ленсовет. Их главным аргументом были серьезные финансово-вые проблемы содержания Казанского собора, где располагался Музей.

После продолжительной дискуссии Президиум Академии наук постановил для принятия решения о судьбе Музея создать две комиссии: по техническому состоянию Музея и по его научно-исследовательской работе. Результаты работы комиссий были рассмотрены на заседании Президиума 11 декабря 1937 г. Несмотря на серьезные претензии, прозвучавшие на августовском заседании, резолюция по докладу комиссии имела в целом позитивный характер, было отмечено, что «несмотря на ряд неблагоприятных условий, в которых Музею пришлось вести свою работу, он добился известных достижений», главным образом «в области массовой культурно-просветительской деятельности». Принимая во внимание, что МИР должен развивать свою деятельность «на более широкой научно-исследовательской базе» Президиум постановил: 1) выделить МИР в самостоятельное научное учреждение непосредственно при Отделении общественных наук; 2) согласовать работу музея с другими учреждениями, где разрабатываются схожие проблемы (Институт философии, Центральный антирелигиозный музей и др.); 3) укрепить научные кадры музея; 4) просить Редакционно-издательский совет выделить Музею определенный «листаж» для публикации его трудов); увеличить Музею в 1938 г. финансирование; 6) представить на утверждение Президиума кандидатуры на должность руководителей Музея¹².

Казалось бы, это постановление разрешило все вопросы. Однако 16 июля 1940 г. Президиум принял решение создать Ленинградский сектор истории религии и атеизма Института философии АН СССР, куда передать научно-исследовательский сектор МИР «в целях объединения научно-исследовательской работы в области истории религии и атеизма»¹³. При этом новый сектор должен был располагаться в Музее,

¹¹ Стенограмма заседания // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 131.

¹² Шахнович, Чумакова 2014: 215–216.

¹³ Там же: 264.

но работать по плану Института, а его финансирование осуществляться по смете Музея! Но МИР остался самостоятельным учреждением при Отделении истории и философии АН СССР.

Начавшаяся Великая Отечественная война остановила дальнейшее обсуждение ведомственной принадлежности МИР. В годы войны музей продолжал работать, и особое внимание было уделено могиле М.И. Кутузова, ставшего важным элементом в системе новой сталинской политики культурной памяти. Сталинская идеология советского патриотизма, отринувшая недавние идеалы пролетарского интернационализма, нуждалась в архаике, необходимой для конструирования политического мифа¹⁴. Фельдмаршал Кутузов, как адмирал Ушаков и князь Александр Невский были включены в дискурс советского патриотизма, став знаковыми фигурами, символизирующими победы русского воинства. Попытки передать музей городу или другим институциям не прекращались и после войны, но благодаря тому, что после войны его возглавил советский государственный деятель и исследователь миноритарных религиозных групп В.Д. Бонч-Бруевич (1873–1955), внесший большой вклад в формирование коллекций музея, в том числе библиотечных (благодаря его усилиям МИР получил значительную часть библиотеки Императорского православного палестинского общества) создание научно-исследовательского архива, важнейшей частью которого сейчас является коллекция документов Бонч-Бруевича, музей оставался в составе Академии наук, и только в 1962 г. был передан в ведение Министерства культуры, повторив судьбу мемориальных музеев А.С. Пушкина, которые почти до середины 1950-х гг. также были академическими.

Критическое отношение к МИР как к научно-исследовательскому учреждению в 1930-х гг. отражало исторически сложившуюся в академической среде недооценку просветительского направления музейной работы, в то время как сочетать просветительскую, выставочно-экспозиционную и научно-исследовательскую работу было непросто, особенно если для этого не было ни достаточного числа сотрудников, ни финансирования. Трудности усиливали также политико-идеологические условия того периода: борьба с религией была одним из главных инструментов советской идеологии и деятельность МИР находилась под пристальным вниманием партийных органов. Музею приходилось прикладывать большие усилия, чтобы, занимаясь изучением религии, максимально избегать упреков в пропаганде религии. Сложности в деятельности МИР усиливались также проблемами содержания Казанского собора.

Негативное отношение к создателю МИР В.Г. Богоразу, которое ощущается в тексте документа, было скорее всего связано с тем, что он стал «нежелательной фигурой», и правила общественно-политического дискурса того времени требовали демонстрации «нелояльности» по отношению к нему. В 1935 г. были арестованы сотрудники МИРа по делу «троцкистско-зиновьевского» блока (Н.М. Маторин и др.), но «идеоло-

¹⁴ Yekelchik 2002.

гическая репутация» Богораза и до этого была достаточно сомнительной: Бывший народоволец, один из основателей партии народных социалистов (энесов), в состав которой вошли либеральные народники, свое скептическое отношение к большевикам не скрывал и после их прихода к власти. В статье, опубликованной под псевдонимом Тан в газете «Петроградское эхо» 3 января 1918 г. он писал «Большевизм – это религиозная форма социализма, доступная широким массам – в виде посильной уступки тем, кто с утра и до вечера вопит о всеобщем хулиганстве и всеобщей развращенности огромного российского народа. Для грамотной России социализм – это политико-экономическая доктрина. Для безграмотной России социализм – это религия, это большевизм», и уточняет: «Хорошая вещь – большевизм, а вот большевики подгуляли»¹⁵. Неизвестно как сложилась бы жизнь Богораза, если бы он не скончался в 1936 г. Скорее всего ему было бы не избежать репрессий.

В 1935 г. к юбилею Богораза должен был выйти сборник статей, но он был остановлен. В 1937 г. вышел сборник его памяти. Во вступительной статье «В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист» Д.К. Зеленин, говоря о заслугах Богораза в деле изучения культуры северных народов, отмечал, что он так и не овладел марксистским подходом¹⁶. Подобные обвинения неоднократно звучали и при его жизни, в 1930-е гг. он не раз писал, что стремится освоить этот метод. Работать несмотря на обвинения в «неправильной» методологии Богораз мог благодаря тому, что он воспринимался как практик, организатор системы советского североведения, включавшего организацию экспедиций и создание системы образовательных учреждений для представителей коренных народов Севера. Как отмечает Е. Лярская: «Ленинградское североведение в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. придумало форму существования, которая могла устроить советскую власть, – форму практически ориентированных научных и образовательных программ и учреждений. Это помогало науке выживать до тех пор, пока идеология окончательно не вытеснила все проявления живой науки – и пока был жив Богораз»¹⁷. Уже после его смерти возникли “дела”, связанные напрямую или косвенно с теми институтами, которые были созданы им, и в частности “дело Института народов Севера”, которое привело к разгрому советского североведения. Народники также оказались «вне закона», поскольку в «Кратком курсе» они были обозначены как едва ли не главные враги большевизма: «Марксистская социал-демократическая рабочая партия в России создавалась в борьбе в первую очередь с народничеством, с его ошибочными и вредными для дела революции взглядами»¹⁸. В 1937 г. вышел чукотско-русский словарь, подготовленный В.Г. Богоразом, а в 1939 г. – второй том перевода его монографии «Чукчи». Затем имя Богораза почти

¹⁵ Шахнович 2018: 448, 450.

¹⁶ Памяти Богораза 1937: XIII.

¹⁷ Лярская 2016: 172.

¹⁸ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). 1938: 25.

исчезло из текста научных и научно-популярных работ, его изредка упоминали в связи с Музеем истории религии. Лишь в 1958 г. «Детгиз» издал сборник «Северные рассказы», а через год вышла научно-популярная книга Б.И. Карташева о Богоразе «По стране оленных людей».

Публикуемая стенограмма заседания Президиума помогает понять сложившееся в Академии наук отношение к Музею истории религии, показывает предлагаемые Президиумом варианты решения его проблем, отражает имевшую место межинститутскую конкуренцию в проведении религиозно-исследовательских исследований, а также характер принятия решений в академическом пространстве в рассматриваемый период.

Стенограмма заседания Президиума Академии наук СССР¹⁹ О Музее истории религии

Акад[емик] И.А. Орбели²⁰: – Вопрос, о котором я должен доложить, возник вследствие обращения Ленинградского областного отдела Союза работников науки и высшей школы к секретарю ВЦСПС²¹ тов. Швернику²², а тов. Шверник переслал это обращение в Президиум Академии наук.

Областной отдел Союза обращает внимание на недопустимое с его точки зрения положение Музея истории религии Академии наук, расположенного в Казанском соборе в Ленинграде. Причем в самой записке тов. Рыбакова предусмотрен целый ряд пунктов, которые, по мнению тов. Рыбакова, заслуживают большого внимания.

Прежде чем перейти к существу дела я должен доложить, что беседовал по телефону с тов. Рыбаковым довольно обстоятельно и после этой беседы я считаю, что при обсуждении вопроса о положении Музея истории религии должен быть приглашен представитель Ленинградского областного Союза тов. Рыбаков, ибо он этому моменту придаст очень большое значение. Может быть Президиум сочтет правильным учесть желание тов. Рыбакова с тем, что мой сегодняшний доклад будет считаться предварительным, а при уточнении выводов в одном из следующих заседаний должен быть приглашен представитель Областного отдела Союза.

Должен сказать, что вся информация, которой оперирует тов. Рыбаков, как видно из текста его записки, основана на сведениях, которые были доставлены Областному отделу Союза месткомом Музея.

При том тов. Рыбаков мне сказал, что целую шестидневку он лично занимался этим вопросом и пришел к печальным выводам. Некоторые пункты его записки действительно вызывают исключительно большую тревогу. В частности, такую тревогу вызывает тот раздел записки Рыбакова, где указывается на недопустимое состояние Казанского собора, построенного Воронихиным. Этот собор, как говорит записка, уже 40 лет не ремонтируется, причем не ремонтируется не только фасад, но и крыша собора²³.

Что касается фасада, то это неверно. Я, как ленинградский старожил, живущий в Ленинграде в течение 33 лет, знаю, что фасад Казанского собора ремонтировался,

¹⁹ Стенограммы заседаний Президиума Академии наук СССР, 25 июля 1937 – 25 сентября 1937 г. // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 127–149. Точную дату заседания выявить не удалось. По косвенным данным 5 или 15 августа 1937 г.

²⁰ Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) – востоковед, академик АН СССР (1935), в 1934–1951 директор Эрмитажа; в 1942–1946 вице-президент Академии наук.

²¹ ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, руководил деятельностью всех профсоюзных организаций СССР с 1918 по 1990 г.

²² Николай Михайлович Шверник (1888–1970) – советский государственный деятель; в 1930–1944 гг. и в 1953–1956 гг. председатель / первый секретарь ВЦСПС СССР.

²³ Ремонт внутренних помещений, кровли и фасадов собора начался сразу после передачи здания в ведение АН СССР и шел постоянно. Руководство музея регулярно обращалось к руководству АН с просьбой увеличить финансирование ремонтных работ.

так что все-таки 40-летнего стажа тут нет. Но что касается до крыши, то, по моим сведениям, там есть течка и на это мы должны обратить самое серьезное внимание, необходимо, чтобы то ни стало немедленно отремонтировать крышу. Вообще нельзя так относиться к такому высокоценному художественному и историческому памятнику, каким является Казанский собор.

Казанский собор является памятником войны 1812 года. Это не случайно построенная красивая церковь, а церковь, построенная одним из гениальнейших русских художников-архитекторов, церковь, которая имеет определенный замысел и этот замысел надо сказать вполне удался. Кстати, в этом соборе находится могила Кутузова, воспетая Пушкиным²⁴. Надо сказать, что эта могила несколько лет тому назад была вскрыта, причем вскрыта без соблюдения надлежащих формальностей. Работниками музея ночью были вынуты останки тела Кутузова, снят мундир, ордена²⁵. Это безусловно произошло не без участия покойного Богораза, это его заслуга²⁶. Он, по-видимому, собирался [неразборчиво] в этом гробу Кутузова. Во всяком случае, в некоторой части его желание исполнилось – отпевание было в Казанском соборе и я в нем участвовал²⁷.

Должен сказать, что, по непроверенным сведениям, в подвалах музея, или в других подсобных помещениях, хранятся реликвии, которые хранились раньше в Казанском соборе, – замечательное собрание знамен, которые, кстати, тоже воспеты Пушкиным. Это недопустимо²⁸. Поскольку это здание в ведении Академии наук, на это должно быть обращено внимание. По-видимому, местком к этой стороне дела не привлек внимание Областного совета профессиональных союзов. Поскольку значение войны 1812 г. далеко выходит за пределы XIX века, на это следует обратить внимание.

У тов. Рыбакова сложилось необоснованное впечатление, что в Академии наук у целого ряда ответственных лиц отрицательное отношение к идее музея истории религии, что эта идея в загоне. Он приводит выписки из мнений, высказанных Горбуновым²⁹, Волгиным³⁰ и Дебориным³¹. В самих записках Волгина и Горбунова я не

²⁴ Гробница М.И. Кутузова была воспета в 1831 г. в стихотворении А.С. Пушкина:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главою...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд....

(А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. М., 1956–1962. Т. 2. М., 1956. С. 337).

²⁵ Здесь и далее пересказываются слухи, ходившие в Ленинграде с 1930-х гг. На самом деле никакие предметы из могилы полководца не были изъяты. Процесс вскрытия склепа и саркофага был скрупулезно зафиксирован на фотографиях.

²⁶ Вскрытие могилы М.И. Кутузова было проведено 4 сентября 1933 г. по указанию первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова. Вскрытие произвела комиссия в составе директора МИР В.Г. Богораза, ученого секретаря музея В.Л. Баканова, заведующего фондами музея К.Ф. Воронцова в присутствии представителя от ОГПУ (его подпись на документе неразборчива). См.: Акт о вскрытии могилы М.И. Кутузова // ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-195. Опись 1-1. Дело 1. Л.1.

²⁷ Речь идет о гражданской панихиде В.Г. Богораза, проходившей в МИР АН СССР.

²⁸ Знамена в 1913 г. были переданы из собора в Артиллерийский музей, позже оказались в эвакуации в Ярославле, где в результате пожара большая часть коллекции была утрачена, оставшиеся знамена попали в коллекцию Эрмитажа. В Казанском соборе сохранялось всего пять французских штандартов.

²⁹ Николай Петрович Горбунов (1892–1938) – советский государственный деятель, академик АН СССР (1935); в 1935–1937 – непреходящий секретарь Академии наук.

³⁰ Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962) – советский историк, академик АН СССР (1930), 1930–1935 непреходящий секретарь, 1942–1953 вице-президент АН СССР.

³¹ Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) – советский философ-марксист, академик АН СССР (1929), один из основателей Института философии АН СССР (в 1929–1936 находился в составе Коммунистической академии).

усмотрел признаков того, чтобы эту идею загнали. При устном выступлении Деборина я лично присутствовал, и у меня не сложилось впечатление, чтобы Деборин был знаменосцем борьбы с антирелигиозным движением.

Волгин формулирует свою мысль так: (*читает*)³². Речь шла о том, чтобы передать музей в другую систему. Горбунов обратился к Наркому просвещения с предложением взять музей в ведение НКПоса. Он пишет: (*читает*). Наконец, Деборин формулировал свою мысль так: поскольку музей не ведет научно-исследовательской работы, его надлежит передать в ведение Ленсовета, в качестве агитационного музея. Деборин, высказываясь в Отделении общественных наук³³, героически отстаивал идею Музея истории религии и атеизма, но выражал сомнение в том, чтобы Академия наук в настоящее время имела возможность надлежащим образом поставить научно-исследовательскую работу, без чего нахождение музея в Академии наук недопустимо.

Музей истории религии находится в ведении Института антропологии, археологии и этнографии³⁴. Может быть потому, что он находится при этом институте, может быть потому, что он организовывался Богоразом, может быть потому, что фактически его строили люди, имеющие мало отношения к атеизму (его строил Александров, который оформлял выставку для Геологического конгресса, он малый антирелигиозник, он артист, специалист по выставкам, выставочный артист, таким был старик Каврайский, молодой – Александров³⁵), он получился таким, что не может оставаться в системе Академии наук. Получился не музей, а выставка истории религии и атеизма, где никакой научно-исследовательской работы нет. Я с удивлением узнал, что Институт философии никакого касательства к этому музею не имеет. Если говорить о Музее истории религии и атеизма, то это дело в первую очередь Института философии, поскольку не может быть никакого изучения религии вне рамок философии. Но музей не заинтересован в переходе к Институту философии.

Может быть нахождением Музея в ведении Института антропологии, археологии и этнографии объясняет то, что в музее представлены только «экзотические» религии. В музее истории религии и атеизма отсутствует католицизм, его не было. В связи с этим, там, где показывается православие, никаким способом не отмечена уния в Брест-Литовске. Абсолютно не отмечено. Ничего нет того, что касается Ордена меченосцев, ничего нет также и о крещении Руси, очевидно выпало это в связи с теми указаниями, которые в свое время давались. Получается так, что Русь не крестилась, а сразу стала православной.

Затем об «экзотических» религиях. В этом разделе, например, уделено большое внимание анимизму³⁶, но анимизм дан независимо от того, где, когда, в среде какого народа сделаны соответствующие наблюдения по анимизму. Таким образом, мы здесь имеем дело даже не с социологизмом³⁷ в том смысле как это слово произносится с упреком, а такую схему, которая абсолютно никому не нужна, п[отому] ч[то] анимизм вне времени, вне пространства, вне среды никому ничего не говорит.

³² Видимо, речь идет о ходатайстве непрерывного секретаря Академии наук академика В.П. Волгина в ВЦИК СССР от 5 сентября 1934 г. о передаче МИР из системы АН СССР, в котором пишет «Соответствующие научные проблемы ставятся в общенсторических учреждениях Академии наук и дублировать работу Академия не считает необходимым, тем более, что количество научных работников по истории религии в высшей степени ограничено». (Цит. по: Шахнович, Чумакова 2014: 212).

³³ А.М. Деборин в 1937 г. возглавлял Отделение общественных наук АН СССР.

³⁴ Президиум АН СССР 20 сентября 1936 г. принял постановили о слиянии МИР с Институтом антропологии и этнографии АН СССР на правах секции института.

³⁵ Речь идет о художниках, занимавшихся оформлением постоянных и временных экспозиций Академии наук. Точно установить их биографии не удалось.

³⁶ Анимизм – это ранняя форма религиозных верований, изучением которой занимался В.Г. Богораз, создавший оригинальную концепцию анимизма. См. подробнее

³⁷ Социологизм – философско-социологическая концепция, зародившаяся в конце XIX в., утверждающая первостепенное и исключительное значение социальной реальности и социологических методов в объяснении бытия человека и его среды.

Уделено большое внимание античным религиям, но опять-таки здесь все дано в такой форме, которая заставляет сказать, что такой музей не имеет права на существование не только в системе Академии наук, но и в системе какого-либо другого научного учреждения. Можно привести целый ряд вопиющих примеров. Например, неизвестно, почему Менандр назван отцом комедии, когда всем прекрасно известно, что отцом комедии является Аристофан³⁸. Менандр – почтенный муж, историческое лицо, но в такой трактовке его давать нельзя. Другое дело, если бы дали Аристофана, его комедии «Лягушки» и «Облачко», где вы имеете идею борьбы с божеством. Но Менандр тут абсолютно не при чем.

Затем есть статуя (копия одной из 9-ти мадонн), при чем сделана надпись – «Молящаяся женщина». Почему? Единственно, может быть, потому, что одна рука под покрывалом приподнята, можно сделать предположение, что она крестится. Никаких других оснований, чтобы назвать ее молящейся женщиной нет.

Религия Рима. Эпоха раздела империи – тут показаны вещи, относящиеся ко второму и более отдаленным векам до нашей эры. По-видимому, несерьезно относятся к этому делу работники музея. То же относится и к Греции – показываются вещи, относящиеся к пятому веку до нашей эры.

Что касается религии Востока, то как будто бы этим религиям уделяется большое внимание. Но опять-таки то, что делается выходит за рамки не только научной грамотности, но вообще самой элементарной грамотности. Больше того, есть прямо антисоветские вещи. Вот, например, показывается ислам в царской России и ислам в СССР. Ислам в СССР показан таким образом: дана большая картина, на которой изображен чрезвычайно симпатичный цветущий узбек или таджик, несущий два пышных снопа, явно только что сжатых, и под этим надпись: «Большевицкий урожай». Какое же впечатление получается? Ясно, что, не вдаваясь в рассуждения, можно сделать вывод, что это результат ислама, больше ничего придумать нельзя.

Что касается этикеток, которые даны к северным народам, то они совершенно изумительны. Я, к сожалению, не захватил выдержки и поэтому точно цитировать не берусь, но существо таково: при царе, оказывается, распространялись определенные амулеты и иконки среди народов Севера. Показаны эти иконки, «распространяемые» среди народов Севера. Но «распространяемые» – причастие настоящего времени, выходит, что СССР занимается распространением иконок. Это неграмотность в русском языке, неприятная неграмотность.

Вещи, которые показывают, что люди не умеют смотреть наверх. Во всяком православном храме купол поддерживается 4 столбами, апостольскими столбами. Они называются апостольскими не только потому, что на них изображены апостолы. Эти 4 апостола подчеркивают славу божью. На этих 4 столбах изображены евангелисты. В музее на этих апостольских столбах висят медальоны, портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такие медальоны уместны во всяком музее, в частности в антирелигиозном, но не на апостольских столбах, тем более, что над этими столбами парит бог Саваоф.

Научно-исследовательская работа протекает по плану, относительно которого в группе истории отмечено, что ряд тем выходит за пределы тех тем, которые могут вестись в музее истории религии и атеизма. Например, тема о движении ремесленников в Италии в XIII веке. Она, по-видимому, введена по признаку того, что значительная часть участников этого движения – сектанты. Но неудобно по этому признаку относить эту тему к истории религии, это тема института истории.

Состав музея – мальчики. О качестве его можно судить по продукции. Точнее результаты может выявить комиссия, которую надо будет направить для обследования музея.

³⁸ Менандр (342–291 до н.э.) и Аристофан (444 – между 387 и 380 гг. до н.э.) – древнегреческие комедиографы. Менандр считается основателем новой аттической комедии, в то время как Аристофан – древней. Нам сейчас сложно восстановить этикетаж, но упреки сотрудников музея в малограмотности сомнительны, поскольку античные экспозиции тех лет создавались при участии Б.Л. Богаевского и Е.Г. Кагарова.

Вообще или нужно строить музей или признать, что мы не в силах такой музей построить, который был бы основан на научной работе, и передать музей в ведение Ленинградского совета, чтобы он использовал его, как агитационный музей. Вообще идея устройства антирелигиозного музея в Казанском соборе – ответственная идея. Памятник искусства, который всегда выражает определенную идею. Воронихин гениальный русский художник, произведения его относятся к числу памятников высокого искусства. Несомненно, идея, выраженная Воронихиным, выражена гениальным мастером, поэтому построить антирелигиозный музей в Казанском соборе надо так, чтобы не [пропуск нескольких слов] Казанский собор. На копиях и слепках этого сделать нельзя. Принцип использования экзотических памятников весьма своеобразный в музее. Там имеется буддийский рай из коллекции Ухтомского³⁹, очень ярко раскрашенный. Оказалось, что работники музея озаботились о том, чтобы погасить блеск, чтобы не соблазнять посетителей, но на посетителей куда более соблазнительно действует это невежество, которое проявлено. Рядом ничтожество и величие Саваофа, парящего над столбами апостольскими.

Этим музеем должен заняться Институт философии. Дайте его не маленькой группе истории религии; пусть в этой группе, которая будет работать над музеем, будут не только молодые люди – я за то, чтобы работали молодые люди, но пусть в эту группу войдут столпы философской мысли, пусть они примут участие, иначе такой музей истории религии и атеизма, который, якобы, направлен для борьбы с религией, будет носить чрезвычайно мизерный характер, не соответствующий достоинству Академии наук.

Теперь относительно того, что с ним делать? Я думаю, что было бы правильнее всего поручить ак[адемику] Струве⁴⁰, который является одним из известных и убежденных борцов на антирелигиозном фронте и является одновременно директором Института [антропологии, археологии и] этнографии, совместно с комиссией, которая будет составлена Президиумом или образована им самим, прежде всего устранить всю безграмотность. Ведь совершенно недопустимо иметь в музее такой материал потрясающей безграмотности. Ведь каждый семинарист (если таковые у нас еще есть), каждый попик (а такие у нас еще есть) прекрасно знают о Менандре, каждый окончивший духовную семинарию поймет, какая безграмотность в музее и это нам приносит большой вред. Таким образом, первая задача, которую мы должны поставить перед комиссией – это ликвидировать безграмотность в музее.

Что касается вопроса о том, надо ли этот музей оставить в системе Академии наук (в этом случае в системе Института философии) или же его надо передать Ленинградскому Совету, то это другой вопрос. Этот вопрос тоже надо будет решить, но первой задачей должно быть выправить все эти грубейшие ошибки, которые там имеются и оградить себя от того, чтобы через полгода эти ошибки не были повторены. Мы должны помнить, что сейчас борьба на антирелигиозном фронте очень существенно меняется, сейчас после принятия Сталинской конституции, нам нужны совсем иные методы работы, а не те методы, которыми работал Богораз.

Я еще раз подчеркиваю, что в системе Академии этот музей может находиться только при Институте философии, ибо только Институт философии может обеспечить правильную постановку Музея Истории религии.

В заключение я хотел остановиться еще на одном моменте. В письме Рыбакова один вопрос внушает мне большую тревогу. Он говорит, что за последнее время по сведениям, которые у него имеются, некоторые работники музея, в частности те лица, которым не приходится особенно доверять, эти лица занимаются усиленно чтением лекций в военных частях. Был случай, когда пришлось дать отрицательный отзыв о лице, который желал ехать на Дальний Восток, причем до этого он очень

³⁹ Эспер Эсперович Ухтомский, князь (1861–1921) – русский дипломат, ориенталист, публицист, коллекционер; один из приближенных Николая II.

⁴⁰ Василий Васильевич Струве (1889–1965) – советский востоковед-марксист, египтолог и ассириолог, академик АН СССР (1935); с 5 августа 1937 по 28 мая 1938 г. директор Института востоковедения АН СССР (вр. исп. об.).

долгое время пробыл в Белорусском военном округе и Кронштадтской крепости (Донцов:⁴¹ – прочитал там 4 тыс. лекций⁴²). Получается так, что он только и делает, что лекции читает, даже отдохнув некогда. И вот он читал такие лекции в Белоруссии и Кронштадте, а теперь хочет перенести свою полезную деятельность на Дальний Восток. Мне кажется, что об этом нужно очень сильно подумать.

Донцов: – Вопрос о состоянии музея и о его передаче стоял уже неоднократно. Если глядеть с точки зрения тов. Рыбакова, то целый ряд работников Академии наук должны быть признаны вредителями, в том числе и я. Если исходить из его точки зрения, то это мы должны признать. Я был одним из поборников передачи музея в Ленсовет и по следующим основаниям. Я считал, что если бы музей вел научно-исследовательскую работу, то в течение 5–6 лет он несомненно должен был бы дать какую-то самостоятельную, общепризнанную творческую продукцию, а он этого не дал.

Работа выражается в издании одной брошюрки. Издание исключительно сомнительного характера, она нигде не рекомендована, наоборот, она опорочена.

Была идея передать музей Институту этнографии, чтобы в Ленинграде можно было бы руководить работой, О[тделение] о[бщественных] н[аук] не могло слободить за работой. Попытка эта не увенчалась успехом. Нет сил, которые были способны вести научно-исследовательскую работу по антирелигиозным вопросам. Все, что собрано, это люди, которые в лучшем случае способны на экспозицию, которую так красочно изложил Иосиф Абгарович. Эта экспозиция имеет значение для города, чтобы вести антирелигиозную пропаганду. Определяет ли экспозиция научно-исследовательскую работу? Никак. А люди способны на научно-исследовательскую работу на основе экспозиции.

Позволю себе сказать несколько слов о тезисе И.А. [Орбели] относительно того, что музей должен быть в Институте философии. Я на это смотрю отрицательно и вот почему. Институт философии имеет группу антирелигиозников, в которой собрано все лучшее, что есть в Москве, но работа на основе экспозиции музея невозможна. Все соображения И.А. [Орбели] правильны, но с предложением о том, чтобы передать музей Институту философии ничего не получится. Институт философии не будет ставить научно-исследовательской работы на основе экспозиции. Мне кажется, что для того, чтобы усилить антирелигиозную пропаганду нужно передать музей в организацию, которая этим могла бы специально заниматься. Перебросить людей отсюда мы не сможем. Такая попытка была сделана. В течение полугода Президиум, бывший непременный секретарь, тов. Кржижановский⁴³, ставили вопрос о том, чтобы тов. Ярославский⁴⁴ считался руководителем музея, но тов. Ярославский категорически отказался, ничего не получилось из этого дела. А те работники, которые имеются в институте, не отвечают требованиям научных сотрудников.

В отношении второй группы вопросов, относительно состояния музея. Состояние таково, что дальше терпеть этого нельзя. Нужна очень крупная сумма, не менее миллиона рублей, чтобы коренным образом переделать электропроводку. Эта проводка – источник для пожаров. Вся проводка сделана по крыше, в таком виде, который не разрешается органами надзора. Крыша нужна новая, стропила прогнили, И.А. [Орбели] об этом говорил. Нужно преобразовать фасад, все в основаниях колонн сыплется.

Мне кажется, что пора Президиуму поставить над этим вопросом точку. Дальше вести так работу мы не можем, так как, если мы оставим здание, как оно есть, мы

⁴¹ Донцов – неустановленное лицо.

⁴² Так в тексте. Эти цифры не находят подтверждения в архивных источниках.

⁴³ Глеб Максимович Кржижановский (1872–1959) – советский государственный и партийный деятель, ученый-энергетик, академик (1929); в 1929–1939 вице-президент АН СССР.

⁴⁴ Емельян Михайлович Ярославский (1878–1943) – советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель Союза воинствующих безбожников и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП / ВКП (б); академик АН СССР (1939).

будем слышать песни не только со стороны Областного союза, но и от правительственных организаций. Такие представления пойдут в ВЦСПС, а ВЦСПС войдет в правительство.

Нужно будет принять решение о передаче и поставить перед председателем Ленсовета и перед руководителем Ленинградской партийной организации вопрос о том, чтобы этот музей передать в ведение Ленсовета. Иначе ничего не получится.

Акад[емик] Губкин⁴⁵: – Самый важный вопрос – это теперешнее состояние Казанского собора. Мы за это отвечаем. Этот вопрос, по-моему, следует поставить независимо от того, передать или не передать музей. Это самый серьезный вопрос, это памятник большой исторической эпохи и притом памятник действительно неиспользованный. И, по-моему, независимо от того – передаем мы этот музей или не предаем, мы должны самым категорическим образом поставить вопрос и при том не откладывая в долгий ящик, поставить вопрос о состоянии музея. Надо чтобы Академия наук изыскала средства и отпустила бы эти средства для ремонта такого памятника как Казанский собор, это ведь памятник определенной исторической эпохи, созданный талантливейшим русским художником Воронихиным. Тут правильно Иосиф Абгарович сказал, что вопрос о том – передаем мы этот музей или оставляем у себя, это вопрос другой. Сейчас нам нужно создать комиссию, которая обследовала бы детально этот музей и представила свои предложения на рассмотрение Президиума. Тогда мы сможем вновь поставить этот вопрос, причем вызовем на это заседание Рыбакова. Но повторяю, это надо сделать в очень срочном порядке.

Ак[адемик] Брицке⁴⁶: – Не находите ли вы, что об этом нужно довести до сведения правительства.

Ак[адемик] Губкин: – Безусловно, в этом отношении Академия наук должна проявить инициативу. Музей необходимо обследовать как с научной стороны, так и с технической. И когда комиссия даст свое заключение, мы тогда сообщим правительству.

Ак[адемик] С.И. Вавилов⁴⁷: – Я хотел обратить внимание на следующее обстоятельство. Мне кажется, что в связи с предстоящим переездом всех Институтов Академии наук в Москву, все равно Академии придется отказаться от этого музея. И поэтому правильно бы начать подыскание другого хозяина. Конечно, можно хлопотать у Совнаркома об отпуске специальных средств для того, чтобы оказать помощь Ленсовету. Конечно, это большое затруднение для Ленсовета и необходимо будет материальную помощь оказать, если мы музей будем передавать. Но, по-моему, надо исходить из того, что этот Казанский собор должен все равно отойти от Академии наук.

Ак[адемик] Губкин: – Я думаю, что пока мы предрешать этот вопрос не будем до заключения комиссии, которую мы создадим для обследования этого музея.

Донцов: – Я считаю, что надо будет привлечь к работам комиссии представителя строительного управления Ленсовета, чтобы смета была составлена технически грамотно.

Ак[адемик] Брицке: – Было бы очень полезно привлечь ак[адемика] Щусева⁴⁸. (Ак[адемик] Губкин: – Его нет, он в отпуске). Тогда кого-нибудь из других крупных архитекторов-художников. Мне кажется, что тут необходимо участие не только техников, но и архитекторов-художников, иначе можно сделать так, что потом мы бу-

⁴⁵ Иван Михайлович Губкин (1871–1937) – ученый-геолог, организатор советской нефтяной геологии; академик АН СССР (1929), вице-президент АН СССР (1936), председатель Азербайджанского филиала Академии наук СССР (1936–1939).

⁴⁶ Эргард Викторович Брицке (1877–1953) – ученый-химик и металлург, академик АН СССР (1932); 29 декабря 1936 – 28 февраля 1939 г. – вице-президент АН СССР.

⁴⁷ Сергей Иванович Вавилов (1891–1951) – физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, академик (1932), президент АН СССР (1945–1951); в 1935–1938 член Президиума АН СССР.

⁴⁸ Алексей Викторович Щусев (1873–1949) – архитектор, академик архитектуры (1910), академик АН СССР (1943). Среди его работ Казанский вокзал, Мавзолей В.И. Ленина, здание Центрального телеграфа на Тверской в Москве, гостиница «Москва» и многие др.

дем очень горько расплачиваться. У нас есть такие случаи. Вот на Мраморном дворце была бронзовая крыша. Какие-то «техники» узнали, что бронза это дефицитный металл, что можно обойтись без бронзовой крыши, сняли ее и заменили железной крышей, как будто бы все сделали как полагается. Но результаты получились очень печальные: каждый год мы вынуждены ремонтировать эту крышу, а бронза оказалась такая, которую можно использовать для промышленных целей только после очень сложных манипуляций над ней. Таким образом, это себя не оправдало. А нам нужно обеспечить себя от повторения подобных ошибок. У нас есть крупные архитектора, которых можно привлечь в комиссию.

Шахновский⁴⁹: – Я буду говорить только по одной части вопроса, в отношении здания Казанского собора. Я согласен с И.М. [Губкиным], что независимо от того, в чьих руках будет музей, вопрос о сохранении здания должен быть поставлен. Плохо, если поставим его не мы, а кто-то другой, мы фактически хозяева этого здания. Об этом здании нужно поставить вопрос. Мало того, что разрушается здание, имеющее большое историческое значение и интерес, это здание, находящееся в центре Ленинграда. Оно в таком состоянии, что Академии наук стыдно за него. До этого сигнала мы имели ряд сигналов, и сами наблюдали в каком состоянии находится это здание. Почему вопрос до сих пор не продвинул? Всех ассигнований, которые мы ежегодно имеем на ремонт, если по-настоящему ставить вопрос, на Казанский собор не хватит. Я был в Казанском соборе, лазил на крышу. Это огромный объем, тут нужно говорить о миллионных ассигнованиях. В обычные рамки наших ассигнований на капитальный ремонт эти работы не уложатся. Нужно поставить перед правительством вопрос, может быть мы виноваты, что мы раньше этого не сделали, но лучше поздно, чем никогда, нужно это сделать сейчас. Надо Ленинградскому хозяйственному управлению израсходовать деньги на приглашение специалистов, чтобы не отремонтировать Казанский собор так, чтобы он стал походить на Исаакиевский, а чтобы он остался Казанским собором, чтобы они составили счета, направили бы их нам, а Президиум направил бы их правительству. Я не думаю, чтобы вопрос мог оказаться таким легким, что мы в этом году сумеем привести в порядок Казанский собор. Хорошо, если вопрос пройдет в этом году в Академии. По-видимому, придется выделить неотложные работы, поправить то, что грозит ценным экспонатам, отремонтировать проводку, которая грозит пожаром. То решение, которое принято сегодня в отношении ремонта, даст возможность бросить что-нибудь на экстренный ремонт. Поручить надо Ленинградскому хозяйственному управлению.

Ак[адемик] Борисяк⁵⁰: – Указав, кого они должны пригласить.

Шахновский: – Может быть Иосиф Абгарович порекомендует.

Ак[адемик] Орбели: – Возглавить должен или Щуко⁵¹ или Ильин⁵².

Тов. Донцов: – Я позволю себе внести одно предложение. Я уверен, что собор входит в план реконструкции Ленинграда и это мы должны учесть. Поэтому, при составлении сметы на ремонт собора и особенно на реконструкцию фасада, нужно обязательно участие плановика из Ленинградского Совета, чтобы у нас не получилось разрыва. Поэтому нужно предложить комиссии привлечь к участию в работах комиссии представителей Управления Ленинграда.

Ак[адемик] Брицке: – Я считаю, что, так как нам говорят, что этот исторический памятник разрушается, и поскольку музей находится в ведении Академии наук, наша обязанность позаботиться о том, чтобы в срочном порядке отремонтировать

⁴⁹ Б.А. Шахновский – заместитель Управляющего делами АН СССР.

⁵⁰ Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) – палеонтолог и геолог, академик АН СССР (1929); основатель и первый директор Палеонтологического института.

⁵¹ Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) – академик архитектуры (1911); в советское время один из проектировщиков нового здания Библиотеки им. Ленина и нереализованного проекта Дворца Советов в Москве; один из создателей «сталинской архитектуры» – архитектурного направления в СССР.

⁵² Лев Александрович Ильин (1879–1942) – архитектор, градостроитель; основная профессиональная деятельность прошла в Петербурге – Ленинграде.

этот собор. Конечно, к участию в работах комиссии надо привлечь как представителей Ленинградского Совета, так и авторитетных товарищей, архитекторов-художников, о чем я уже говорил. Надо чтобы такого рода техническая комиссия осмотрела собор, выявила его состояние и составила смету на необходимый капитальный ремонт с целью сохранения этого памятника, причем это надо сделать в самом срочном порядке. (С места: – *К 1-му октября*).

Таким образом, я считаю, что должны быть 2 комиссии – одна техническая комиссия, о которой я только что сказал, и вторая комиссия – музейная, научная комиссия. Эту комиссию надо просить возглавить ак[адемика] В.В. Струве. Надо поручить ему, как директору института, составить такую авторитетную комиссию из научных работников и обследовать Казанский собор, этот музей, с научной точки зрения и доложить свое заключение Президиуму.

Донцов: – Может быть сейчас уже довести об этом до сведения Ленсовета?

Ак[адемик] Орбели: – Я думаю, что пока это будет преждевременно. Я в своем докладе привел очень незначительную часть тех вопиющих безобразий, которые обнаружены при 3-х часовом осмотре музея. Надо будет чтобы В.В. [Струве] действительно возглавил эту работу с тем, чтобы мы в возможно короткий срок получили заключение такой авторитетной научной комиссии. Тогда мы опять вернемся на заседании Президиума к этому вопросу, позовем Рыбакова и окончательно решим вопрос, как нам быть с этим музеем. Думаю что к 1 октября и эта комиссия сможет закончить свои работы.

Ак[адемик] Губкин: – Если нет возражений против такого предложения, пока с этим вопросом можем покончить.

Архив Российской Академии наук. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 127–149.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-195. Оп. 1-1. Д. 1. Л.1.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс. М., Госполитиздат. 1938 [Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov) : Kratkiy kurs. M., Gospolitizdat. 1938].
- Лярская Е. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораз» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142-186 [Liarskaya E. «Tkan Penelopy»: «proekt Bogoraza» vo vtoroy polovine 1920-kh – 1930-kh gg. // Antropologicheskij forum, 2016, № 29. S. 142-86]
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дм. Буланин, 2003 [Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki / red.-sost. E.N.I. Kolchinskij. SPb.: Dm. Bulanin, 2003].
- Памяти В.Г. Богораз (1865–1936): Сборник статей / Отв. ред. акад. И.И. Мещанинов. М.-Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1937 [Pamyati V.G. Bogoraza (1865–1936): Sbornik statej / Отв. red. akad. I.I. Meshhaninov. M.-L., Izd. Akad. nauk SSSR, 1937].
- Шахнович М.М. В.Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. № 3. С. 441–453 [Shakhnovich M.M. V.G. Bogoraz o religii i bol'shevizme // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya . 2018. № 3. S. 441–453].
- Шахнович М.М. Е.Г. Кагаров и музей истории религии Академии наук СССР // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. № 4. С. 571–581 [Shakhnovich M.M. E.G. Kagarov i muzej istorii religii Akademii nauk SSSR // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2017. № 4. S. 571–581].
- Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016 [Shahnovich, M.M., Chumakova, T.V. Ideologiya i nauka: Izuchenie religii v jepohu kul'turnoj revoljucii v SSSR. SPb.: Nauka, 2016].
- Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии Наук СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. 458 с. [Shahnovich, M.M., Chumakova, T.V. Muzej istorii religii Akademii Nauk SSSR i rossijskoe religiovedenie (1932–1961) Nauka, Saint-Petersburg, 2014].
- Graham L. Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge: C.U.P., 1981.

Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Smolkin V. A sacred space is never empty: a history of Soviet atheism. Princeton, U.P., 2018.

Yekelchik S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian "Heroic Pasts," 1939–1945// Критика: Explorations in Russian and Eurasian History. № 3(1), 2002. P. 51–80.

Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, СПбФ Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург: ti-yusupova@mail.ru

Чумакова Татьяна Витавтасовна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии религии и религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; t.chumakova@spbu.ru

“What Should We Do with This Museum”:

The Museum for the History of Religion in the Soviet Academic Space of 1930-s

The article is centered at a case from the work of the Museum for the History of Religion of the Academy of Sciences of the U.S.S.R., when the top managers of the Academy tried to put it out of the academic system. Founded in 1932, the Museum was regularly under criticism for not good enough research work. The reason was the very specific for the Museum – on the point of view of the Academy’s top managers, the work of the Museum was connected more with the exhibition and educative activity, than the research one. The stenographic report of a meeting of the Presidium of the Academy of Sciences from August 1937, which is published in the attachment, illustrates the conflict between the Museum and the top management of the Academy; it provides additional information on the history of the Museum and its activity, it reflects some complications of the process of the shaping of the Museum and searches for its place in the system of the Academy, as well as other problems – those which the research community faced at the epoch of the Great Terror.

Keywords: Museum for the History of Religion, Academy of Sciences of the USSR, V.G. Bogoraz, intellectual history, relations inside the Academy of Sciences

Tatiana I. Yusupova, Dr. Sc. (History), Senior Researcher of Institute for the History of Science and Technology, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences; Russian Federation: ti-yusupova@mail.ru

Tatiana V. Chumakova, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation: t.chumakova@spbu.ru